

РАЗДУМЬЯ В ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД ДВУХ КОРИФЕЕВ РОССИЙСКОГО ВОСПИТАНИЯ

С.Т. Шацкий (1878–1934)

А.С. Макаренко (1888–1939)

Каждые десять лет в один и тот же год случаются «круглые» юбилеи двух корифеев отечественного воспитания. В этом году 13 марта отмечалось 115 лет со дня рождения Антона Семёновича Макаренко, а 13 июня — 125 лет со дня рождения Станислава Теофиловича Шацкого.

Ричард Соколов,
кандидат
социологических
наук

Казалось бы, это очень разные люди. Шацкий по происхождению дворянин, сын военного, а Макаренко — сын железнодорожного маляра. Детство одного из них прошло в Москве, а другого — в далёкой украинской провинции. У Шацкого была атлетическая фигура и пышная вьющаяся шевелюра. Макаренко был небольшого роста и всю вторую половину жизни волосы стриг наголо. Шацкий обычно ходил в костюме при галстукке или белом костюме, с воспитанниками был «на ты». Любил с ними бегать босиком, купаться, устраивал шумную «кучу-малу». Макаренко предпочитал ходить в военной (или подобной ей) одежде. Никогда воспитанники не видели его босиком. И называли только «на вы», по имени и отчеству.

В судьбе двух корифеев отечественной педагогики первой половины XX века С.Т. Шацкого и А.С. Макаренко оказалось удивительно много общего.

Оба крайне отрицательно относились к педагогике прошлого. Оба в молодости хотели посвятить себя искусству. Шацкий в молодости мечтал стать певцом, а Макаренко — писателем. Оба не имели собственных детей, но лучшие годы и основные силы отдали детям — чужим, тем, кого называли «безнадзорными», «социальными сиротами», «полными сиротами», «беспризорными».

Воспитательная деятельность их интересовала с ранней юности, но всецело увлекла, когда Шацкому было около тридцати лет, а Макаренко уже за тридцать. Педагогика для них была не средством заработка и не хобби. Это, скорее, форма социального служения. Не «труд-работа», а «труд-забота» (по терминологии А.С. Макаренко).

Педагогика для них — не столько «воспитание школьников», сколько воспитание «работника будущего» (С.Т. Шацкий), воспитание «нового человека» (А.С. Макаренко). Но не только. И вообще, воспитание для них не самоцель. Им хотелось «улучшать окру-

жающую жизнь». Но в этом они были утопистами. Веря, что общество может быть устроено разумнее, а жизнь людей — счастливее, они полагали, что путь к такой жизни лежит прежде всего через создание разумно организованных и счастливых детских «сообществ» («клубов», «колоний», «коммун»).

Более того, они пытались доказывать, что детское сообщество может быть устроено лучше взрослого и может стать для взрослых культурным образцом, моделью настоящего общежития.

«По моим наблюдениям, — писал С.Т. Шацкий, — социальная жизнь детей способна достигнуть чрезвычайно высоких форм общежития, быть может, и мало доступных для взрослых людей».

В письме А.М. Горькому от 16.06.1926 г. А.С. Макаренко признаётся: «Я потому и отдался колонии, что захотелось потонуть в здоровом человеческом коллективе, дисциплинированном, культурном, идущем вперёд, а в то же время и с русским размахом, и страстью. ...Я теперь убедился, что такой коллектив в России создать можно, во всяком случае, из детей». А.С. Макаренко в этом убедился, проработав с детьми двадцать лет.

С.Т. Шацкий убедился намного раньше. В 1918 году на страницах журнала «Свободное воспитание» он признался, что его работа с детьми «тем интересна, что мы присутствуем при создании таких общественных взаимоотношений, которые далеко опередили условия нашей жизни сейчас, и благодаря этому можем заглянуть в будущий общественный строй».

Но С.Т. Шацкий и А.С. Макаренко вовсе не прорицатели. То, чем они занимались, теперь социологи назвали бы «прогнозированием социального проектированием».

То, чем занимался А.С. Макаренко, А.М. Горький называл «экспериментом». А что за окном мы видим другой общественный строй, вовсе не их вина.

Их «опыты» по конструированию разумных и счастливых детских производст-

венных коллективов и созданные каждым на основе его «цельного опыта» стройные системы взглядов на жизнь детей, на смысл, значение и средства воспитания будоражили умы, находили много поклонников. Но ещё больше — противников.

Когда им удавалось находить поддержку «в верхах», окрылённые надеждой реализовать «небывалые возможности», они высоко воспаряли в мечтах, стремлениях и грандиозных социальных проектах, желая помочь не горстке обездоленных детей, а детям и подросткам городского или сельского района, целого города, республики, всей страны. И созданные ими детские учреждения получали порой особый статус экспериментальных.

Когда отношение «Олимпа» к ним менялось, их социальные творения подвергались безжалостной «реорганизации», философско-педагогический «бисер» затапывали в грязь, а самих подвергали травле.

Оба «подвижника соцвосо» (термин Макаренко) достигли невиданных дотоле грандиозных результатов. Их опыт изумлял не только коллег-соотечественников, но и таких мыслителей, как Джон Дьюи и Рабиндранат Тагор, не говоря уже о тысячах обычных педагогов, побывавших в коллективах С.Т. Шацкого и А.С. Макаренко.

Оба успели кое-что опубликовать. Но только малую часть. С.Т. Шацкому очень не повезло: в 1930 г. кто-то поджёг его дом, и в нём сгорела рукопись главной его книги — второй части «Бодрой жизни».

Макаренко повезло больше — от его «Педагогической поэмы» цензура откусила только часть.

Оба всю жизнь наткнулись на сопротивление разного рода бюрократов, долгие годы

**Галина Стахивна
Макаренко**

были вынуждены защищать свои взгляды и своё дело в почти не прекращающейся неравной и изнурительной борьбе.

Оба несколько раз были на грани крушения, оба как птица Феникс возрождались, казалось бы, из пепла. Клуб Шацкого закрыли (в 1908 г.), но на следующий год его вновь открыли. Из колонии им. Горького Макаренко «ушли» (в 1927 г.), назвав его систему «несоветской», но он с большой группой колонистов-горьковцев «вдруг» оказался в коммуне им. Дзержинского.

Но, в конце концов, они оба оказались в чрезвычайно трагической ситуации. Они стали свидетелями того, как чиновники всё-таки разрушили главное дело их жизни. Разрушили по-иезуитски — под видом «реорганизации» в соответствии с постановлениями властей. И поделаться в этой ситуации С.Т. Шацкий и А.С. Макаренко уже ничего не могли.

Кто-то теперь считает, что они в конце жизни устали, сдались, отступили. И что если бы не так, то их ждал бы удел врагов народа (ведь это были середина и конец тридцатых годов). А кто бы стал использовать педагогический опыт «врагов народа»?

Валентина Николаевна и Станислав Теофилович Шацкие

Но есть и другое мнение: они продолжали бороться, сменив оружие. Они уходили в искусство. Это не только спасло их от прямых репрессий. Каждый продолжал борьбу, где мог. Шацкий стал директором консерватории и, как мог, проводил в жизнь свои идеи. Там он ввёл преподавание педагогики. Организовал при консерватории школу для одарённых детей. При этом продолжал руководить Центральной педагогической лабораторией, выступать и печататься. Макаренко осуществил мечту своей молодости — стал известным писателем. Он тоже много печатался и много выступал.

Они пытались бороться не «на смерть», а «на жизнь». Но на долгую борьбу сил уже не хватило. Оба ушли из жизни как бы своей смертью... И оба скоростижно. Шацкому было 56 лет. Макаренко — 51 год.

У обоих не выдержало сердце. Про них писали: «сердце, отданное детям». Но жизнь их сократили, видимо, всё-таки не «трудные дети», а «трудные взрослые»... Они умели перевоспитать даже отъявленных бандитов, но перевоспитать власть придерживающих даже их таланту оказалось не под силу. Макаренко сокрушался: «опыт никому ничего не доказывает».

Ещё одно совпадение. После смерти этих подвижников их жёны взяли на себя нелёгкий крест пропаганды их наследия и несли его многие годы. Валентина Николаевна Шацкая прожила долгую жизнь, была награждена всеми педагогическими медалями — К.Д. Ушинского, Н.К. Крупской, А.С. Макаренко.

Галина Стахивна Макаренко получила возможность руководить лабораторией по изучению и пропаганде наследия её мужа. И в этом ей удалось кое-чего достичь. Издавались произведения А.С. Макаренко. По его произведениям были сняты два художественных кинофильма.

И последние два совпадения.

Воспитанники С.Т. Шацкого и А.С. Макаренко до самой старости, до самого своего ухода из жизни собирались вместе, они публиковали воспоминания о своих педагогах в газетах, журналах и даже монографиях. Некоторые из них стали известными педагогами. Например, у С.Т. Шацкого — М.Н. Скаткин, у А.С. Макаренко — С.А. Калабалин, которому, кстати, в этом году исполнилось бы 100 лет.

Наибольшая слава и известность застала Шацкого и Макаренко спустя полвека после их ухода из жизни. К столетним юбилеям было издано кое-что из их сочинений. В Москве Академия педагогических наук и Педагогическое общество провели юбилейные мероприятия на самом высоком уровне. Юбилейные торжества прокатились тогда по многим городам.

Автор первой солидной монографии о Шацком Д.С. Бершадская считала, что Шацкий и Макаренко не были знакомы. Если это так, то тем более удивительна похожесть этих двух феноменов.

Удивительно, что два разносторонне одарённых интеллигента, имевших явное призвание к занятиям большим искусством, наступили на горло собственной песне и на долгие годы «пошли в дети». И самое удивительное то, что при этом главным инструментом в работе с детьми оказалось вовсе не искусство. Хотя искусство занимало немалое место в их работе с детьми. У того и другого были прекрасные самодеятельные оркестры (народных инструментов, духовой), были замечательные самодеятельные театральные коллективы...

И всё же главным было другое — физический труд. Не труд-учёба, не труд-игра, не труд-искусство, а труд производительный. При этом организованный не как «труд-работа», а как «труд-забота». Здесь было, есть и будет, о чём призадуматься педагогам...

По поводу юбилейных событий этого года

115-летний юбилей Макаренко в апреле этого года был отмечен в Москве весьма прилично — пять дней проходила Международная Макаренковская конференция, организованная Международной Макаренковской ассоциацией. Параллельно проходил первый Международный конкурс образовательных учреждений по организации детского производительного труда, учреждённый журналом «Народное образование». И Российская академия образования не забыла о Макаренко — провела «круглый стол». А главное, её старанием был подготовлен к изданию в полном объёме (как говорится, не прошло и века) знаменитый роман «Педагогическая поэма». Заметьте — впервые! В годы Советской власти многие стремились к этому, но, увы, даже при поддержке А.М. Горького не удалось. А вот теперь, наконец, можно купить «Педагогическую поэму» в полном объёме (без купюр). Спасибо издательству ИТРК.

А вот юбилей 125-летия С.Т. Шацкого оказался в Москве вообще незамеченным. В самом деле, можно ли всерьёз считать

городским юбилейным мероприятием скромный вечер в помещении Центра внешкольной работы им. А.С. Макаренко, проведённый совместно с общественной организацией «Первая опытная станция по внешкольному воспитанию им. С.Т. Шацкого», и «круглый стол» на станции в рамках двухдневной конференции, организованной по инициативе педагогов? Впрочем, если читатели захотят и пригласят, то можно что-то успеть. Ведь такие «круглые юбилеи» можно отмечать весь год.

О «ЦЕНАХ» НА НАСЛЕДИЕ ШАЦКОГО И МАКАРЕНКО

Неужели наследие Макаренко действительно поднялось в цене, а наследие Шацкого обесценилось?

Сейчас стало модно говорить о беспризорниках, о безнадзорных детях, а в общественном сознании успешная деятельность в этой сфере ассоциируется прежде всего с именем А.С. Макаренко.

А Шацкий работал вроде бы с детьми благополучными. «Бодрая жизнь» была, как и у Макаренко, интернатным учреждением, но у воспитанников колонии С.Т. Шацкого были родственники и их никто не лишал родительских прав. Да и дети были обыкновенные. Так что вроде бы опыт Шацкого не так и актуален...

То, что этим опытом в первой половине XX века восхищались и Запад, и Восток, уже основательно призабылось. Да и такие восторги представителей стран капитала Шацкому в те годы не сулили ничего хорошего. Если бы не личная многократная защита Н.К. Крупской и А.В. Луначарского, то вообще неизвестно, сколь долго этот опыт просуществовал бы после 1917 года. А так колония, основанная в 1911 г., смогла сохраниться и развиваться до 1932 г. (до постановлений правительства, по которым и в школе Опытной станции, организованной Шацкими, была проведена реорганизация с реставрацией многого от старой школы, про-

тив чего долгие годы боролись Шацкие). С.Т. Шацкий в 1918 г. как в воду глядел: «Пошлость перерабатывает свежие мысли и дела по-своему. Поэтому уместно и теперь бояться слишком ранней оформленности, программности и декретизации». Эти опасения были причиной того, что Шацкий не сразу стал сотрудничать с Советской властью.

Но он боялся потерять школу-колонию «Бодрая жизнь» и предложил Наркомпросу проект Опытной станции, который, к счастью для Шацкого, тогда был утверждён. Но через 14 лет его школу-колонию (и всю Опытную станцию) постигла та же участь, что и всю живую педагогику. Реформы в образовании 30-х гг., наверное, правильнее было бы назвать контрреформами. Тогда это мало кто понял.

Однако два десятка лет для детского экспериментального учреждения — не так уж и мало. Это даже больше, нежели время жизни макаренковских колоний им. А.М. Горького и коммуны им. Дзержинского вместе взятых.

Я не собираюсь противопоставлять Шацкого и Макаренко, они оба — национальное достояние. Я хотел бы, напротив, сопоставить эти два замечательных явления в нашей отечественной культуре. И показать то общее, что может быть поучительным и для нас...

Критика педагогической практики и теории

«...Когда я учился, — вспоминал Шацкий, — то постоянно чувствовал, что так, как меня учили, не надо ни учиться, ни учить. И моя педагогическая вера выросла из отрицательной оценки педагогики, применённой к себе».

А.С. Макаренко писал, что он «в учительском институте золотую медаль получил за большое сочинение «Кризис современной педагогики», над которым работал 6 месяцев». Много позже в «Педагогической поэме» он с горечью констатировал,

что «главным результатом этого чтения была ... основательная уверенность, что в моих руках никакой науки нет и никакой теории нет...». Можно сказать, что в критике старой школы они были единомышленниками.

О колонии «Бодрая жизнь»

Шацкому и его коллегам удалось получить для развития своего опыта участок земли в Калужской губернии, в 100 километрах от Москвы.

Это было крупным везением. В книге о городе Обнинске читаем: «В самом начале этого века дом Обнинских на берегу Протвы купил московский фабрикант М.А. Морозов. Когда он умер, его жена, молодая красивая вдова, поселилась в этих краях. Ещё в Москве она была знакома с семьёй Шацких, благодаря которым эти места вошли в историю русской и советской педагогики. Морозова отдала им свою землю, и Шацкие, наконец, смогли взяться за осуществление давнишней мечты — организации системы воспитания детей трудового люда...»

29 апреля 1911 г. первая группа детей рабочих окраин Москвы уезжала за 100 километров, чтобы начать новую жизнь... С того апрельского дня начинается богатая событиями история первой трудовой колонии, которой ребята сами дали название — «Бодрая жизнь». По имени этой колонии долгое время называлась местность, где сейчас вырос город науки».

Как вспоминала В.Н. Шацкая, «мы поехали в колонию с частью детей. Прямо в лес. Посреди леса, заросшего ольхой, стоял двухэтажный барак».

Выезжали туда на пять самых тёплых месяцев в году. А занимались там не столько организацией отдыха, сколько организацией труда. Общество недаром называлось «Детский труд и отдых». Труд стоял на первом месте, а не наоборот. Позже Макаренко, говоря о труде воспитанников, будет утверждать, что такой труд — не просто способ решения материальных проблем, а ещё и «философия».

Объясняя детям, что такое их колония, Шацкий писал в рукописном журнале, что «это место, где мы все устраиваем кругом себя хорошую жизнь, и чем дальше, тем лучше ... Это место, где все мы работаем, один на всех и все на одного, где дети могут стать хозяевами, с достоинством отвечая за всё, что ими сделано».

Можно сказать, что это был принцип активного освоения среды обитания, принцип коллективной самореализации. Взрослые и юные колонисты стремились преобразовывать окружающую жизнь.

Начиналось с простого — корчевали пни, прокладывали дорожки, возводили постройки. «Главными работами, — писал С.Т. Шацкий, — являются огородные, затем сенокос, кухня, хлебопечение, стирка белья, земляные работы и строительные, уход за скотом: коровами и лошадьми и маленькое птицеводство».

Со временем стали обрабатывать поля, выращивать на них рожь и пшеницу. Позже появилась своя электростанция.

Наступило время, когда Шацкий констатировал: «Всё больше и больше наша дикая, испорченная и заброшенная людьми земля получает вид места, по которому прошли заботливые руки человека».

В колонии много играли в подвижные игры, устраивали инсценировки сказок, пели, музицировали, устраивали прогулки.

В 1912 г. С.Т. Шацкий был создан «проект опытной станции по детскому воспитанию», которая включала в себя все возрастные группы детей и главные виды работы с ними, начиная от детского сада и кончая школой II ступени, вместе с работой клубов, мастерских, детской библиотеки и детской трудовой колонии». В 1915 г. к проекту добавилась идея создания постоянных «опытных курсов».

В 1916 г. удалось получить под этот проект субсидию от Министерства народного просвещения в 16 700 рублей. Шацкий организует при Калужском губернском земстве белкинский меж-уездный участок «повышенного земского хозяйства с рядом мероприятий и учреждений просветительного характера». В культурно-просветительной работе с населением окрестных деревень приняли участие сотрудники колонии, старшие воспитанники, курсистки-практикантки. В народном доме, выстроенном в Белкине, колонисты проводили лекции, беседы, выступали с концертами и спектаклями.

В 1916 и 1917 гг. в деревнях Самсоново и Пяткино были построены и открыты детские сады и школы.

«Революционная эпоха,— писал Шацкий,— застала нас в значительной степени вышедшими из рамок узкого педагогического дела». Шацкий приветствовал февральскую революцию, а вот события октября его насторожили. Он, как и многие тогда, рассматривал большевиков как разрушителей.

Он боялся за судьбу своего главного детища — колонии «Бодрая жизнь». А там логика событий приводила к очень интересным результатам.

В статье, опубликованной в 1918 г., С.Т. Шацкий писал, что, «постепенно сживаясь с колонией, дети привыкают считать всё её имущество общим. Будущее колонии рисуется в виде фермы-коммуны, живущей на свои средства самостоятельно и производящей известную культурную работу среди соседей. Есть и переходная группа подростков, пробующая свои силы на самостоятельном ведении маленького хозяйства, оплачивая работой своей колонии своё содержание. Эта группа имеет название коммунистов».

Логика развития колонии в коммуну в опыте Шацкого — явление объективное. Этот опыт опережал процессы, происходящие в стране. И было бы странным, если бы после опубликования в 1918 г. «Декларации о единой трудовой школе» С.Т. Шацкий вместе с А.А. Фортунатовым не разработали бы проект Опытной станции и не подали бы его в Наркомпрос. 12 мая проект был утверждён коллегией Наркомпроса в качестве положения об Опытной станции при Наркомпросе.

О Первой опытной станции по народному образованию при Наркомпросе

В.Н. Шацкая вспоминала о том, что С.Т. Шацкий после этого обратился к А.В. Луначарскому с просьбой дать ему план-задание. Луначарский напомнил Шацкому о его статье, где тот назвал наркома просвещения дилетантом и сказал, что коль это так, то Шацкому самому следует планировать свою работу на Опытной станции и не морочить ему голову. Такой свободы действий от новой власти Шацкий даже и не ожидал. Тем более что ещё совсем недавно Шацкий отказался сотрудничать с Луначарским и вообще с Советской властью. Такое начало сотрудничества, конечно, вдохновляло. (Заметим в скобках, что и Макаренко, систему которого в 1927 г. «педагогический Олимп» признал «несоветской», приглашение чекистов возглавить коммуну им. Дзержинского тоже окрылило.) Поддержка со стороны «власть предержащих» для таких людей не роскошь, а элементарное условие нормального продолжения работы.

Теперь работа Шацкого стала разворачиваться на территории свыше 150 квадратных километров в 35 деревнях. Кроме Калужского отделения было и Московское отделение станции. В него вошли: школа; детский дом; центральный детский сад; постоянная педагогическая выставка; информационное бюро...

К осени 1919 г. случилось удивительное — из летней колонии «Бодрая жизнь» дети домой в Москву не вернулись. Но никто из родителей не думал протестовать. Они были рады, что дети на весь год остаются на природе, вдали от городских подворотен с их соблазнами. Много позже, став уже весьма взрослыми и даже пожилыми людьми, воспитанники колонии утверждали, что в их колонии было лучше, нежели в Царскосельском лицее. И одним из аргументов было указание именно на то, что в колонии был настоящий труд.

Превращение в «закрытое» воспитательное учреждение произошло через

14 лет после создания «временного коллектива» шёлковской летней «колонии». Интересно, что и А.С.Макаренко, проработав 15 лет в различных «открытых» учебных заведениях, пришёл, однако, в 1920 г. к созданию «закрытого» учреждения.

Что кроется за таким совпадением? Усталость от бесконечной изнуряющей борьбы с «вредными влияниями», идущими от «улицы» и от «семьи»? Возможно.

Но, думается, в большей степени здесь было желание получить возможность для более «интенсивного воспитания» детей. «Проектирование личности», и не просто личности, а личности «нового человека», требовало для воплощения совершенно иных условий. А если учесть, что для Шацкого и Макаренко было важным не только создание «нового человека», но и «нового общежития», новых форм человеческого сообщества, то становится понятным желание создания некоего «фаланстера». При этом Шацкий отмечал, что «закрытый период» со временем, по мере становления коллектива, заканчивается и коллектив «распахивается» навстречу окружающей жизни.

Но уже не для чуждых влияний, а для влияния колонистов на окружающую жизнь. Для иллюстрации два очень показательных факта. Воспитанники Шацкого выращивали и продавали продуктивные сорта огородных культур, а воспитанники Макаренко — породистых свиней.

В.Н. Шацкая вспоминала: «Своими силами колонисты вместе с преподавателем собрали и установили насос для подачи воды в баню и прачечную, поставили в колонии репродуктор собственной конструкции для радиостудии, сделали целый ряд аккумуляторных батарей для радиостановок на фабрике, в клубе и в деревнях, где не было электричества. Позднее был проведён водопровод в колонии и установлен движок на электростанции. Колонистами были созданы ряд приборов для физического кабинета, осветительная аппаратура для спектаклей и многое другое.

В столярной мастерской изготавливались спортивные лыжи. Всё, начиная с вы-

бора подходящих берёз на отведённой делянке, распаривания и загиба лыж до их полировки, делалось самими ребятами, которые чрезвычайно гордились результатами своего труда». Шацкая отмечала, что «эти работы... оказали весьма ощутимое влияние на направленность интересов колонистов, а в иных случаях и на выбором ими специальности».

Мне довелось на протяжении трёх с половиной десятков лет иметь счастье постоянно общаться со многими воспитанниками Шацкого и Макаренко. И все они оказались наделены качеством, которое Макаренко называл «иммунитетом к порче». Все они оказались людьми состоявшимися. Не все стали известными художниками, артистами, учёными, крупными военачальниками. Шацкий и Макаренко таких целей не ставили, но среди них много настоящих героев труда и войны, все, оставшиеся в живых после Победы в Великой Отечественной войне, смогли построить семью и воспитать детей.

Они до самой смерти (даже страдая в старости тяжёлыми болезнями) регулярно собирались вместе. Они называли себя «солнечными людьми». Они чтили память своих педагогов. Редко кому из родителей удавалось добиться такой сыновней любви и преданности.

«Было ли в этой жизни что-либо сильное, особенно влиявшее на детей?»

Ставил вопрос С.Т. Шацкий и отвечал: «Да, было, и это был труд. Труд вносил смысл и порядок в детскую жизнь».

Часто ли разговоры о роли труда в воспитании детей углубляются до понимания специфики этого труда, которая в опыте С.Т. Шацкого и А.С. Макаренко была определяющей, как сказали бы учёные, системообразующей?

Специфика этого труда была в том, что труд был не только «самообслуживающим», но и производительным. То, что было подсобное хозяйство, позволяющее подкармливать воспитанников, — это, конечно, тоже важно. Разве не имело значения, что у Шацкого дети сами сеяли рожь и пшеницу и каждое утро дежурные пекари (дети) пекли свой свежий белый и чёрный хлеб? Разве не имело значения, что пили «своё молоко», что мальчишки умели доить коров не хуже, чем девочки? Впрочем, и на швейных машинках мальчишки работали тоже неплохо.

И всё-таки, видимо, не это главное. А что же тогда?

Обратимся к самим Шацким.

В 1922 г. они писали, что с 1905 г. «смотрели на свою работу... как на попытку выяснить некоторые закономерности в развитии детского общества ... была поставлена задача установить влияние организации физического труда на жизнь детского коллектива».

И вот к каким интересным выводам они пришли через 17 лет: «между основными сторонами детской жизни — физическим тру-

дом, игрой, искусством, умственным и социальным развитием — существует определённая связь ... виды и формы детского труда и его организация, претерпевая в своём развитии ряд нормальных изменений, — всё к большему разнообразию в формах и большей стройности в организации, — влекут за собой соответственные изменения в социальной, эстетической и умственной жизни детей».

А что имелось в виду под «нормальными изменениями видов и форм детского труда»? То, что «первобытные формы труда сменяются кустарными и затем технически высокими». Вот эта динамика имеет принципиальное значение. Именно благодаря этой эволюции форм труда **«первичные детские организации случайного типа, быстро создающиеся и распадающиеся, приобретают всё более длительные формы и обуславливают в дальнейшем параллельный рост социальных навыков. Грубые формы детского искусства сменяются более совершенными, вызывая к жизни творческие силы детей. Развитие художественных запросов детей отражается на возникновении новых, интересных для них видов труда: дети строят планы и наполняются радостной тревогой осуществления. В конце концов, выявляется идейная сторона детского общества, которая даст сильный толчок умственным, самостоятельным запросам».**

Шацкие пишут о переходе детского коллектива-хозяйства к технически высокому «формам труда», но промышленного производства в судьбе колонии «Бодрая жизнь» не было. Не все знают, чем объясняется, что С.Т. Шацкий «остановился» на сельскохозяйственном труде. Он пытался создать на базе своей колонии кирпичный завод, но ему этого не позволили. Помощи от покровителей-образованцев ему не хватило. Вот почему, перейдя из «Бодрой жизни» на работу директором консерватории, он писал, что его «с кровью, с мясом оторвали от любимого дела».

А.С. Макаренко повезло больше. После того как его систему воспитания в колонии Горького (в 1928 г.) деятели образования, называемые им «педагогическим Олимпом», признали «несоветской» и уже казалось, что «песенка его спета», Макаренко удалось найти поддержку. У «чекистов», которые сочли возможным в созданной ими коммуне им. Дзержинского появление таких «форм труда», как два самых настоящих завода (по изготовлению фотоаппаратуры и по производству электроинструмента). Благодаря этому опыт Макаренко оказался продолжительнее. Не в смысле хронологии, а в смысле «зоны развития» производительных сил и производственных отношений.

Современным учителям трудно понять, как Шацкому удавалось вызывать у детей огромную тягу к учебной деятельности без выставления оценок. Тяга к знаниям воспитанников Макаренко тоже многих поражала. Известно, что для воспитанников Шацкого и Макаренко не составляло труда поступать учиться в те институты, куда их влекло.

Благодаря чему возможны были такие замечательные «метаморфозы» бывших беспризорников и их коллектива? Благодаря педагогическому мастерству? Знанию детской психологии? Само-

отверженности коллектива воспитателей? Разумеется, не без этого, но достаточно ли всего этого?

Можно ли было бы Шацкому и Макаренко достичь таких результатов без реализации того, что сказано в вышеприведённой формуле Шацких?

Сам Макаренко в конце жизни так говорит о своей удаче: «Если охарактеризовать мою удачу, то она была очень большой». И далее некоторые её штрихи: «Последние годы жизни коммуна... жила на полном хозрасчёте». Коллектив «полностью окупал расходы не только по школе, на жалование учителям, на содержание кабинетов и прочие, но и все расходы на содержание ребят. Кроме того, коммуна давала несколько миллионов рублей чистой прибыли государству. Это удача огромная, потому что хозрасчёт — замечательный педагог». Макаренко не скрывал, что на заработанные коммунарами деньги покупались автомобили для коммуны. На «детские деньги» (в фонд «Совета командиров» отчислялось по 10% от заработков коммунаров) покупались добротные костюмы всем коммунарам, покупалось «приданое» коммунарам-молодожёнам, выплачивались безвозмездные стипендии выпускникам коммуны, поступившим в институты. Оплачивались массовые ежегодные путешествия коммунаров по стране...

Думается, что организаторам, а главное, участникам конкурсов по организации детского производительного труда все эти факты интересны.

«Русская трудовая школа должна совершенно перестроиться, так как в настоящее время она по идее буржуазна. Основанием русской школы должна сделаться не труд-работа, а труд-забота. Только организация школы как хозяйства сделает её социалистической», — писал А.С. Макаренко.

Он напрасно, наверное, сказал, что только школа-хозяйство сделает её социалистической. Дело не в «социализме». Наверное, надо было бы сказать иначе: только школа-хозяйство сделает школу нормальной школой. Школа-хозяйство, в которой не обучение «соединяют» с тру-

дом, а труд (и труд обязательно развивающийся) является стимулом и условием обучения, нужна не для того, чтобы «распахивать окно в коммунизм» (А.М. Горький), а для того, чтобы «открыть дверь» ученикам в трудовую жизнь.

Выпускник школы должен быть, прежде всего, готов к роли труженика. И даже если выпускнику школы доведётся трудиться в сфере обслуживания или «в сфере умственного труда», «трудовая биография», подобная тем, что имели воспитанники Шацкого и Макаренко, весьма пригодится.

Ещё в 1918 г. С.Т. Шацкий предостерегал: «Отнимая физический труд от ребёнка, мы лишаем его могучего жизненно-го приспособления».

Спустя много лет Макаренко продолжил: «это не просто дорога к средствам существования, это ещё и этика, это философия нового мира. Как мы можем воспитать этого будущего гражданина, если с малых лет не дадим ему возможность пережить опыт этой трудовой заботы».

Таким образом, это не просто «трудовые навыки» и даже не «трудолюбие» как качество личности. Это нечто большее. Это жизненная практика. Это опыт труда-заботы, самореализации в производственном и социальном творчестве.

В обществе отчуждённого и отчуждающего труда это очень важный и дефицитный компонент образованности человека.

«Для взрослых, — писал С.Т. Шацкий в 1918 г., — в особенности для так называемых образованных людей, физический труд утратил свою ценность, и остались две оценки его — или как низшей формы работы человека для людей образованных, или как проклятие жизни для озлобленных масс трудового народа». Такое отношение было сто лет назад. А теперь, разве оно изменилось?

Шацкому и Макаренко всё это было понятно в начале прошлого века. Это было понятно всем их выросшим воспитанникам. Похоже, что это уже понятно некоторым участникам прошедшей Международной Макаренковской конференции. А как насчёт остальных?

Кто автор сочетания слов «педагогическая поэма»

Трудно сказать, кому пришло в голову первому назвать книгу о жизни в детской колонии педагогической поэмой. Я всю жизнь думал, что приоритет этой идеи за А.С. Макаренко. Сомнения возникли, когда прочитал предисловие С.Т. Шацкого к книге Л. Сосниной «История одной школьной общины» (М.: Кооперативное изд-во «Посредник», 1927). В книге описывалась жизнь Пушкинской детской колонии «с сельскохозяйственным уклоном». Оценивая книгу, Шацкий писал: «Скорее это поэтическое произведение — своего рода педагогическая поэма». Он отмечает искренний интерес к детям, любовь к ним, которыми сквозит каждая строка педагогической поэмы. И очень прозорливо прогнозирует: «Можно лишь бояться, что за поэтической формой читатель пройдёт мимо того ценного, что имеется в этой незаурядной работе». Пушкинскую колонию «преобразовали» в 1924 г., а автор книги была репрессирована. Колонию им. Горького «преобразовали» четыре года спустя, а педагогическую систему её автора признали «несоветской».

Полагаю, что Макаренко ничего не знал о предисловии Шацкого к книге о Пушкинской колонии. Видимо, педагогическая поэма — это не такое уж уникальное для тех лет состояние души «подвижников соцвоса», занимавшихся организацией детских трудовых колоний.

Писать о школе? Тема школы в последние годы жизни

По поручению Н.К. Крупской С.Т. Шацкий в 1929 г. подготовил новые программы для школ. Времени было выделено крайне мало — всего месяц. Крупская работу одобрила. Но программы были кем-то отданы на рецензию бригаде рабочих завода им. Лепсе. Рабочие камня на камне не оставили от программ, обвинив Шацкого в полном непонимании задач «смычки города и деревни», «руководящей роли рабочего класса, который даёт крестьянам орудия производства». В программах, по мнению этих экспертов, была «плохо отражена политика партии в деревне, недостаточно внимания уделено вовлечению в колхоз крестьян». Их назвали «чудовищными» за то, что они не отвечали задачам переходного времени.

Стоит ли удивляться, что Макаренко через десять лет после этого вообще избегал говорить, а тем более писать о школе. Когда ему оставалось до ухода из жизни меньше месяца, он, выступая перед студентами, сказал: «Моя литературная работа — только форма педагогической работы». Он мечтал написать книгу «на такую тему: как нужно воспитывать человека, чтобы он, хочешь — не хочешь, был счастливым человеком ... А о школе я не буду писать ... в наших школах организации детского опыта, жизненного опыта, коммунистического опыта не уделяется достаточно внимания. Я написал книжку, и мне возражают: «Это сказка, это мечта». А я утверждаю, что это ... та действительность, которая должна быть на каждом шагу». **НО**